

А.Ю. Согомонов

УДК 174 + 159.955

**«Этика профессора» между академическим служением
и локальной гражданственностью**

*Под здравым смыслом всякий разумеет
только свой собственный.*

В.О. Ключевский

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы истории и актуального транзита профессорского этоса. Классическая модель профессурата сегодня подвергается обсуждению под давлением множества факторов. В том числе и под влиянием идеи пострационального знания и университетского служения. Эти перемены столь масштабны и настолько глубоко затрагивают основы классической модели университета, что неизбежно обращают нас к антропологическим и нравственно-культурным основаниям современного «общества знаний». Вузы мира поляризуются и образуют сложный континуум, полюсы которого представляют университеты совершенно различных типов. С одной стороны, мы имеем высоко рейтинговые и ориентированные на мировую науку университеты, исповедующие академизм и ответственность перед истиной, с другой – вузы, укорененные в локальных контекстах и практикующие местную гражданскую ответственность. Единая социальная политика в отношении их всех существовать не может. Но и профессорская этика в них также неоднородна. Если в первом случае мы наблюдаем этику служения, то во втором – скорее разновидность этики гражданского общества.

Ключевые слова: профессорат, этика профессора, знаниевая ответственность, локальная ответственность.

Не стоит обманываться: профессор – и только он – всегда был и по-прежнему остается центральной фигурой в любом университете. Сколько бы при этом ни говорили о массовизации и коммерциализации вузов, цифровизации высшего образования, о переводе на предпринимательские рельсы вузов, их клиентоориентированности. Ни администрация, которая в последнее время захватила непомерно много власти в вузах, ни студенчество, ни потенциальные работодатели – никто не сравнится с символической значимостью профессора. И поскольку университеты исторически и модельно видоизменялись, как институты и сообщества, и продолжают меняться (порой весьма кардинально), – постольку фигура профессора в каждую эпоху с нашей эпохой институциональных перемен выходила на пе-

редний план и становилась объектом политической критики, публичных нападок. Соответственно, именно *профессор остается поныне главным героем* в общественном дискурсе университетских трансформаций, модернизации высшего образования и науки в целом.

Современному профессорату чуть менее тысячи лет, и это не могло не сказаться на его амбивалентной природе, особенно в системе разделения труда в обществах современного типа. В самом деле, профессор не есть «профессия» в классическом смысле понятия, несмотря на их удивительное родство. Профессор – и не специальность, этому же никто никого не учит. Да и по формальному признаку профессор – всего лишь звание, которое достается человеку за определенные заслуги, которые в разных условиях и культурах зарабатываются разными путями. Впрочем, при двух общих для всех вузовских профессоров жанровых обстоятельствах, отвечающих двум главным миссиям университетов: а) длительное служение в качестве вузовского преподавателя и б) объективно измеряемых и тестируемых научных достижениях.

В то же время очевидно, что профессорство не исчерпывается лишь университетским преподаванием и наукой, то есть, если сформулировать этот тезис в обратном порядке, производством и репродукцией знания. Профессор безусловно – весьма заметная и значимая фигура в местных сообществах, прежде всего, в локальном гражданском обществе. Участвуя в публичной сфере и придерживаясь ценностей активной гражданской жизни, он задает важную социокультурную «планку», некий стандарт общественного служения. Во-первых, потому что профессорат сам по себе автономный «игрок» на поле гражданственности; во-вторых, потому что его слово – будь то письменное или устное – имеет совершенно несопоставимый с суждениями, мнениями и оценками рядовых граждан символический вес. Истоки этого различия надлежит искать не столько в конкретных заслугах конкретного профессора, сколько принимать их в силу статусной атрибуции профессора. Кроме того с осознанием третьей миссии университетом – вовлеченность в локальную жизнь – символический вес профессората начинает постепенно конвертироваться в социальный капитал. Однако профессорское звание за особые заслуги перед местным сообществом пока нигде не присуждается. А зря, похоже, и здесь нас ждут в будущем удивительные перемены.

Ученый, университетский преподаватель и локальный активист могут быть узко поняты как разновидности современных профессий. И, соответственно, могут обладать присущей только им профессиональной культурой и цеховой этикой. Отчасти это допущение может распространяться на университетского профессора, по крайней ме-

ре, применительно к трем его ипостасям – «дидакт», «академик» и «гражданский протагонист». Но в первых двух амплуа профессор играет на общем для них профессионально-этическом поле. В то время как в своей регионально-публичной деятельности он подчиняется иным «правилам игры», а именно этике гражданского общества.

В этом смысле словосочетание «этика профессора», как может показаться, вроде бы и не отражает аутентичной нравственной семантики профессора, автономного морального субъекта. Но это суждение представляется мне некорректным и даже опасным заблуждением. Хотя внешне оно выглядит вполне логичным. Дело в том, что этика профессора – это многослойный «пирог», составленный из самых разных, порой даже противоречащих друг другу, культурно-нравственных ингредиентов. И эта этика явлена обществу, скорее, как воображаемый конструкт, но с очень серьезными и долгосрочными последствиями для мира социокультурной практики.

Гибридный характер этики профессора имеет давнюю предысторию и свою идентичную современную историю. Каждый исследователь найдет в ней такое сочетание компонентов, которое позволит ему смонтировать свой аутентичный и вполне содержательный образ «этики профессора». Вспомним, что более столетия назад Макс Вебер представил «занятие наукой» в современном обществе как профессию и одновременно призвание, имеющих отчетливые религиозные корни. Все последующие философские перепевы на эту тему, так или иначе, восходили к веберовской трактовке. А ведь он отнес глубинные и, прежде всего, этические смыслы этого «занятия» к ряду трансцендентальных сущностей.

И профессорам именно так представляется их нравственная идентичность. Они, а вслед за ними и мы, действительно, верим в свое особенное призвание и, более того, в его «небесное» обоснование. Но разве устойчивые идиомы «учитель от бога» или «ученый от бога» исчерпывают всю семантику современного профессората? Конечно же, нет. Ведь, в фордистской по сути университетской индустрии можно оставаться вполне «ординарным» профессором, «рядовым» исследователем, «апатичным» гражданином и довольствоваться этими абсолютно приземленными статусными идентичностями. Значит, дело не только в трансцендентальном призвании профессората.

Предтечи

В классической Греции фигура «мудреца» воплощала в себе синтез знания, памяти и статуса. Мудрец – не совсем педагог, хотя воспитывает подрастающие поколения и прививает молодым людям

вкус к самостоятельной мысли. Мудрец – вовсе не ученый, хотя страсть к истине сближает его с современным академизмом. Мудрец – отнюдь не политик, хотя разделяет с политиками и активными «политами» гражданские ценности и бережное отношение к традициям. Соответственно, древнегреческое мудрствование не исчерпывалось производством и распространением смыслов. А было особым и открытым для подражания образом жизни и стилем мышления.

Но везде ли в древнем мире были такие же мудрецы? Отнюдь нет. Древнегреческий мудрец, в отличие от его восточных медитативных визави, своим мировоззрением и деятельностью был обращен в этот мир и его активное настоящее. Для него красота, истина и польза были неразлучными ипостасями мудрости, которая, казалось бы, могла оставаться вне времени. Напротив, двумя координатами мудрости были именно *hic et nunc* (здесь и сейчас – лат.), обосновывающими мудрость как общественное благо.

В лице софистов древние Афины располагали «сословием» профессиональных мудрецов, превративших «мудрость» в завершённый знаниевый и образовательный продукт. До будущих университетских профессоров им было, конечно, еще очень далеко, но этос и пафос софистов не только близки университетскому профессорату, но и выступали идейными провозвестниками рождения этики профессора в ее современном понимании. Сократ и Платон отвергли софистику и вместо расплывчатого по смыслам и деятельности «мудреца» учредили в этой синкретической роли «философа». В сократическом Философе мы живо распознаем вполне узнаваемый образ профессора «с большой буквы» – широкого энциклопедиста и гражданского мыслителя, ответственного перед истиной и одновременно перед всем гражданским сообществом, виртуозного, популярного и эффективного воспитателя.

В начале эллинистического времени ситуация кардинальным образом меняется. Древнегреческие общества переживают кризис, Александр Македонский создает громадную империю, её унаследуют диадохи и эпигоны, разорвавшие традиционные связи. Власть повсеместно становится деспотической, демократические институты корродируют и предаются забвению, самоуправляющиеся религиозно-гражданские общины (полисы) разрушаются. Человек все больше предоставлен самому себе. Оправданная ранее забота об общем благе, как условие счастья личного, перестает восприниматься человеком как адекватная и, тем более, надлежащая жизненная стратегия. Новое поколение философствующих мудрецов, прежде всего, в лице киников, эпикурейцев и стоиков, чутко уловив «дух» времени, начинает исповедовать контрастные смысложизненные концепции

оторванности человека от старого и общинного уклада жизни. Основывают авторские школы, закладывают перспективные тренды в нравственном воспитании, философском образовании и интеллектуальной мысли в целом.

Пожалуй, именно они в гораздо большей степени, чем все их предшественники, напоминают нам современную профессуру. Они вещают публике новые учения от своего первого лица, взимают плату за образование, заботятся о своей «учительской» репутации, дискутируют со своими оппонентами, зачастую предпочтение отдают только устной речи, хотя многим из них Диоген Лаэртский приписывает десятки, а то и сотни философских сочинений.

Но самое главное, пожалуй, заключается в том, что они начинают восприниматься публикой как абсолютно «профессиональные» гражданские пропедевтики. Их миссия – не только репродукция знания (этим занимались дидаскалы низшего уровня), а именно его конструирование, на что отныне, кстати, распространялось и их авторское право. Они формировали внушительные сообщества своих сторонников и последователей, предлагая при этом широкой обществу не простую совокупность абстрактных истин, а прежде всего стиль мышления и связанное с ним систематическое искусство жизни. Стоики первыми развели теоретическую и практическую этику, обучая молодые поколения и тому, и другому одновременно.

С торжеством Рима, как единственной супердержавы в пределах всей обозримой ойкумены, философское мудрствование стало неотделимым от развития античной гражданской этики. Если раннеэллинистические учителя еще придерживались позиции собственной оторванности от жизни, то римские стоики отталкивались уже от понятия гражданского долга (*officium*). Они не только не поощряли уход человека из сферы гражданской жизни, а напротив, переносили этот долг в самый центр своего социально-этического учения. Сенатор Брут, знаменитый царевубийца Цезаря, был последовательным стоиком. Его понимание нравственности вытекало из глубокого гражданского чувства, что, впрочем, не мешало ему быть последовательным индивидуалистом, а не только охранителем староримских «правил игры», на защиту которых он все же встал.

Профессиональных наставников-философов в императорском Риме было невероятное множество. Почти все они отстаивали принципы смешанного учения, в котором идеи и подходы «больших» философов эллинистическо-римского времени были тщательно перемешаны. Авторство проявлялось лишь в том, как приготовить эту самую «смесь» и искусно преподнести ее воспитанникам, а не самому пытаться выразить аутентичную и самостоятельную мысль. В этом –

особенная идентичность философского наставничества того времени. Поражает удивительное сходство с тем, как сегодняшняя университетская профессура, препарирует учения и мысли «больших» авторов и приготавливает из разных источников свое «авторское» меню, транслируя «чужое» знание и не гнушаясь жизненным наставничеством, как способом зарабатывания денег. Иными словами, интересующая нас университетская научно-образовательная традиция имеет весьма долгую яркую предысторию.

Хотя от античного наставничества к современному систематическому высшему образованию путь долгий, но центральной фигурой на всей его продолжительности всегда выступал Учитель. Ему вовсе необязательно быть философом в классическом смысле слова, более того, он мог быть носителем очень узкоспециализированного знания, но его миссия никогда не ограничивалась только научением. Он формирует мировоззрение, учит самостоятельному мышлению, совершает необходимую ценностную прививку, создает, в конце концов, уникальный социокультурный контекст, внутри которого рождаются новые поколения свободных граждан. Это богатство мыслительной прагматики наставника-профессора, с одной стороны, – его великое преимущество, но одновременно и колоссальное препятствие на пути к прозрачности его же общественно-символической роли и этики.

Этика профессора – ахиллесова пята современного университета

Университеты и профессорат суть близкородственные, но при этом вполне автономные субъекты высшего образования. Их коэволюция за последние два-три столетия демонстрирует как множественные пересечения, так и немалые расхождения в путях развития. Институционально и содержательно университеты претерпели за это время гораздо более серьезные перемены и по-прежнему находятся в состоянии перманентного транзита. Профессорат в меньшей степени менялся, как статусно, так и с точки зрения ролевого функционирования.

Казалось бы, находясь на передовой знаниевого прогресса, профессорат, тем не менее, очень консервативен как один из базовых акторов в «обществе знания». Этот парадоксальный консерватизм вполне понятен в ситуации неуклонного снижения символического веса профессората в современном обществе. Профессор вопреки самому факту своего существования перестал быть и, соответственно, считаться лидером мнения. Перестал восприниматься единственным и легитимным носителем «истинного» знания, а по

доходности и прочим видам капитализации давно не является частью высшего «среднего класса», как это было в обществах простого модерна. В России он, скорее, примыкает к низшим социальным слоям среднего класса, при том, что с недавних пор образовалась – заслуженно или нет, сейчас не суть важно – численно небольшая группка высокорейтингового и материально обеспеченного, прежде всего, столичного профессората.

Справедливости ради следует заметить, что даже не институционально-экономический кризис, который переживает сегодня российская образовательная сфера, и не столкновение старых и новых социально-дидактических концепций и подходов, предопределяет судьбу отечественного профессората. Весь мир с громадным ускорением движется в сторону «новой» цивилизации. Но играть сегодня старые роли по правилам, когда-то и кем-то установленным, как и продолжать настаивать на своем монопольном праве на легитимацию истины, потеряло всякий смысл.

В условиях тотальной смены вузовской модели и миссий университетов корродирует, прежде всего, гибридная этика профессората. А ее перспективное развитие становится отныне многовекторным. Гармоничный баланс, который в прошлом установился между ее разными компонентами, нарушен и предсказать путь дальнейшей эволюции этики профессора уже не представляется возможным.

Профессорат, как мне кажется, становится более зависимым в будущем от конкретной институциональной модели того или иного университета. И поскольку вузовская вселенная всего мира будет представлена большим разнообразием институтов по целям, стратегиям и, не в последнюю очередь, по артикулированным миссиям, постольку и профессорат будет трансформироваться по-разному, *ad hoc*, от случая к случаю. Университеты подошли сегодня к развилке путей прогресса, и порой создается ложное впечатление, что выбор будущего будет реализовываться ими в свободном режиме. Мне думается, что многое в этом выборе и последующей эволюции университетов будет зависеть от этнокультурных и политических традиций, то есть от «колеи истории».

Российский профессорат и его этос

Университетское социальное моделирование в ареале западной цивилизации и в России шло и продолжает идти, пусть и не всегда явно, но все же разными путями, даже несмотря на то, что сама идея университета была заимствована нами из Европы. Начать хотя бы с того, что западные университеты гораздо автономнее и менее зависимы от государства (даже государственные!), что вполне исто-

рически объяснимо. Русские же университеты с XVIII века основывались исключительно с государственного изволения (частные университеты появляются лишь к концу империи), подведомственно контролировались и управлялись, а поэтому всегда воспринимались объектами единой и централизованной социальной политики. Ситуация мало изменилась с тех незапамятных времен. И, несмотря на то, что российские (а позднее советские и постсоветские) вузовские «рулевые» и «кормчие» всегда внимательно вглядывались в западный университетский опыт, изучали его и стремились во всем подражать ему, тем не менее, практика реализации концептуально похожих идей философии высшего образования и институционального строительства была разительно отличной.

В данном контексте нам важно обратить внимание на ставшее уже аксиоматичным утверждение, что все университетское группообразование – в социологическом смысле – было отличным. Речь, разумеется, идет об истории последних двух-трех столетий. Профессорат западных университетов организовывался в форме профессиональных корпораций, где, в частности, степени и звания присуждались самими же корпорациями. Дореволюционный российский, а еще рельефнее советский, профессорат конструировался непосредственно государством как общественное сословие со всеми присущими этому единому социальному статусу стандартами, символическими маркерами и поведенческим этосом. Выпадение из этактистски регламентируемых «правил игры» было чревато для любых профессорских карьер, научные или педагогические заслуги в этом случае в расчет не принимались, а в годы большевистского тоталитаризма вообще решался вопрос о жизни или смерти человека.

Западный профессорат репрезентировал собой корпорацию текста, сосредоточенной на поиске истины и автономности солидарного духа. Российский профессорат, вопреки редким исключениям из общего правила, все же был, прежде всего, служилым сословием, обеспечивающим реализацию государственных интересов и взамен обладавшим престижным статусом, а также многими другими преференциями закрытой «касты» благоприобретателей.

Русское «профессорское сословие» (оно именовалось чаще именно таким образом, хотя также в обиходе использовались и другие атрибуты – «университетское» и «ученое» сословие) – весьма специфичный концепт, как с точки зрения солидарности, так и группообразования в целом [подробнее: 1]. Профессор поступал на государственную службу и был аффилирован к конкретному университету. При достаточно свободном выборе тем и объектов научных изысканий, относительной независимости в университетской дидактике

профессорат был ограничен в своей автономности, даже с точки зрения географической мобильности. Более того, располагая всеми атрибутами автономного интеллектуального элитизма, профессорат был все же классом государственных чиновников. Он модельно варьировался в зависимости от университета и в целом был довольно динамичным во времени и по форме. Однако государством он всегда воспринимался как базовый идеологический «проект», требовавший надлежащего контроля и внешнего управления. Реальная практика, как правило, не умещалась в границы этой идеальной схемы, но соблюдение некоторых принципов было незыблемым. Так, ведомства пристально следили за тем, чтобы члены профессорского сословия были обязательно русскими подданными, независимо от их происхождения и этнической принадлежности.

Старорежимный профессорский «регламент» не мог не сказаться на этосе русского профессората. Этикой и духом служения наполнялись студенческие аудитории и личные кабинеты. А каждый «выход» в публичное пространство становился действием подцензурным и довольно рискованным. Тем не менее, именно университетская профессура, судя по историческим источникам, стала «информационно зараженным» и самым активным слоем всего образованного класса империи, движущей силой ее модернизации [подробнее: 2]. Мы располагаем множеством примеров того, как гражданские высказывания или тексты «либеральной» профессуры оборачивались против нее же самой жесткими дисциплинарными санкциями. Увольнения свободолюбивых профессоров в цеху воспринимались болезненно и с начала XX века провоцировали «передовых» представителей профессорского сословия на открытые проявления солидарности, вплоть до массовых отказов от своих университетских постов. В любом случае эти примеры все же представляют собой единичные казусы «сословной солидарности», не столько спровоцированной консервативным наступлением на научные занятия и высшую педагогику со стороны властей, сколько проявлениями попорченной сословной чести и выраженным желанием большей автономии и бюрократического невмешательства в дела университетские и всего сословия в целом.

Сословная этика государственного служения профессората «расцвела» в советские времена, когда сословная лояльность к власти и официальной идеологии стала краеугольным камнем жизнеспособности всего сословия. Советскому профессорату в лучшем случае удавалось сохранять видимость свободы в выборе сферы научных изысканий, зато преподавание было стандартизировано и не мотивировало профессуру на групповую выработку и поддержание цен-

ностей и норм профессорской этики ответственности. Служба затмевала все остальные биографические и карьерные стимулы.

Разумеется, этос советского профессората строго коррелировал с советской моралью и, в первую очередь, с ее официозным пафосом, но также и с этосом лицемерия и двоемыслия. Профессорское сословие в советском обществе стало еще более «служилым», чем ранее, и, соответственно, еще откровеннее обособлялось государством как важный «идеологический» проект. Профессор присягал государству, соглашаясь на роль идеологического «возничего», при этом время от времени не гнушаясь напрямую прислуживать тем или иным лидерам административных и партийных элит.

В постсоветское время после идеологического обрушения советского мироздания российские университеты семимильными шагами двинулись к краю институциональной пропасти. И двигало их туда не только безденежье, но и необходимость возрождения университетской автономности и перехода на универсальные корпоративные рельсы самоуправления. Брошенным на произвол судьбы в начале 1990-х гг., им пришлось активно коммерциализироваться, примеряя новые рыночные роли, модернизироваться технологически, чтобы не выпасть из мировых информационных трендов, в том числе и в плане цифровизации обучения и управления, и наконец, перестраиваться структурно, чтобы соответствовать стандартам и духу времени. Правда, отныне все это делалось уже не столько во имя интересов государства, сколько в целях повышения своей собственной конкурентоспособности и привлекательности.

Казалось бы, процесс реновации отечественного профессората и его этоса был запущен, но время показало, что вузы все равно движутся куда-то не туда, как было «задумано» более четверти века назад. Вузы сосредоточены на своих рейтингах и погружены в административные «игры». При этом внешние показатели, действительно, улучшились, хотя это утверждение может показаться кому-то спорным. Но внутреннее коллективное и солидарно разделяемое переживание российской профессуры о крахе эффективной и проверенной временем вузовской модели, распаде профессорского сословия и глубоком кризисе его этоса становится все более отчетливым и, поэтому, все чаще публично артикулируемым. Вырождение профессората стал секретом полишинеля.

Да, отечественные вузы, к сожалению, за последнее время так и не смогли сформировать у себя навыков стратегического мышления и планирования. Но нельзя при этом не увидеть прогресса в обретении ими новых институциональных компетенций. Как по части автономной работы на традиционных рынках (прежде всего, образо-

вательных услуг и труда), так и инновационных (медиарынок, информационные и цифровые рынки). И все же самые существенные сдвиги произошли в локальных тактиках вузов по линии реальной включенности их в региональные политики, девелоперские проекты, эвентуальную экономику и публичные пространства мест. Все это естественно тотчас же отразилось на социокультурной траектории профессорского сословия и его этоса.

Итог: относительно монолитное профессорское сословие распалось и рассыпалось на множественные сегменты. Они отличаются друг от друга по объективно-легальным критериям, так что эту разницу можно легко замерить. Скажем, размер заработной платы и доступы к грантам. Но также по неформальным и трудно измеряемым показателям, таким, как, к примеру, открытость административных рычагов и ресурсов, клановые связи с властью и большим бизнесом, коррупционные схемы в организации образовательного процесса, и т.д. Все эти сегменты исповедуют разные ценности, следуют разным нормам профессорской этики, живут своими «правилами игры». А следовательно, формируют разные субэтосы.

Откровенно криминальных и «серых» субэтосов не пересчитать, настолько они не похожи друг на друга, но их можно этически не рассматривать, поскольку они скорее подпадают под уголовную или административную юрисдикцию, чем профессионально-этическую. В отношении же всех остальных и, как говорил Остап Бендер, «относительно законных» субэтосов на повестке дня один фундаментальный вопрос: что их все-таки объединяет и каковым может быть их общее будущее? Парадоксальный ответ на этот вопрос полвека назад предложил крупнейший методолог науки Поль Фейерабенд.

Этика профессора в хаосе релятивизма знания

Господство науки – угроза демократии. Таков был вердикт Фейерабенда [3, 112-116]. И если слегка адаптировать это громкое заявление под цели нашего анализа, то оно может быть переформулировано следующим образом: распад профессорского сословия и кризис его этоса приводит к глобальным общественным, институциональным и социокультурным последствиям и необратимым переменам. И точка невозврата на этом пути, очевидно, уже пройдена.

Репутационный капитал российского профессората сегодня на минимуме за последние два столетия. Впрочем, это и не секрет. Однако происходит это не только по причине деликвентного поведения дискредитировавших все сословие его отдельных членов. А, вероятнее всего, в силу тотального сокращения в постсовременных обще-

ствах доверия к рациональному знанию. Люди усомнились в обоснованности научного рационализма и все чаще обращают свой взор и мысли в сторону альтернативных систем знания, в том числе традиционных по происхождению и имеющих долгую историю. В то же время устаревание научного знания достигла такой скорости, что уверенность в том, что в университетах дается актуальное знание, заметно ослабла. Можно привести еще другие аргументы в пользу того, что вузы и их знаниевые лидеры теряют свой главный ресурс – опору на рациональное знание. А за утратой доверия к знанию, как главному ресурсу профессорского сословия для поддержания своего права на истину, неизбежно приходит глубокое разочарование и упадок публичного внимания как ко всему сословию, так и его устным и письменным текстам.

«Забывать профессоров» – слоган нашего времени. Пусть он и сформулирован нарочито эпатажно, но в нем есть свои «зерна» разумности. Согласно Фейерабенду, допущение о том, что научный рационализм превосходит альтернативные мировоззренческие традиции и по этой причине он должен быть признан в качестве основы общественной жизни и образования, не согласуется с фактами и современным пониманием природы знания [3, 115]. Отсюда собственно и вытекает его главный методологический посыл: необоснованное знание создает в первую очередь риски для гражданской жизни и демократии. Его полезность не только следует заново переосмыслить, но и просто вынести за скобки публичного обсуждения. Релятивизм, пусть даже и анархичный по сути своей, остается единственно приемлемой философией знания в XXI веке, но именно это никак не укладывается в классические рамки университетской доксы. И вряд ли сможет способствовать оздоровлению профессорской этики.

Этос профессора в ситуации актуального релятивизма знания и утраты монопольного права на легитимацию истины рушится и постепенно перестраивается на новых основаниях. Пока можно говорить о наметившихся двух главных трендах.

1. Дифференциация университетов, в том числе и рейтинговая, привела к образованию нескольких вузовских макрокластеров. Пожалуй, можно говорить об их радикальной поляризации. Университеты, входящие в первые пять-шесть сотен мирового рейтинга, ориентированы на производство нового знания и предоставление высококонкурентных образовательных услуг для глобального обучения. Провинциальные, а они чаще всего и составляют массу низкорейтинговых вузов, сосредоточены на локальных потребностях и интересах. То есть на реализации своей третьей гражданской миссии после науки и обучения. Крайне редко им удается создать условия для функ-

ционирования внутри себя исследований мирового уровня. Как правило, их научная экспертиза отвечает на задачи местного развития и воспроизводства локального и «ординарного» человеческого капитала. И если профессорский этос университетов первой категории сконцентрирован на выполнении задач и миссии ответственного служения глобальному знанию и его мировой репродукции, то профессорский этос низкорейтинговых вузов отличает ответственность локально-гражданского характера – «местнического» свойства, если позволительно будет так прямо сформулировать эту мысль. Первые – в ответе за все человечество и планету в целом, а посему их этика космополитическая по сути своей. Вторые – служат месту и его символической и социальной капитализации. Складывается впечатление, что текущая и вся последующая перегруппировка вузов мира будет происходить исключительно в континууме между этими полюсами с явным или латентным тяготением к крайним оппозициям.

2. Нечто похожее наблюдается и внутри вузов, а именно – поляризация внутри профессорского цеха. Передовые и «именитые» профессора все чаще свои жизненные стратегии выстраивают в логике медиаэтноса, заботятся о своей репутации, раскручивают самих себя как публичных фигур, следуют правилам персонального брендинга. «Рядовая» же профессура во избежание аутсайдерского исхода «напирает» на свои административно-коммерческие ресурсы, пытаясь извлечь максимум выгод и преференций в режиме «здесь» и «сейчас». Их этос подчинен преимущественно морально-этическим ценностям и нормам распределительно-бюрократической и только лишь отчасти бизнес-этики.

«Этика профессора», иными словами, сегодня становится не более чем красивым и сильно путающим наше понимание словосочетанием, за которым скрываются сложные процессы, конфликты, глубинные противоречия и столкновения интересов. Но, пожалуй, именно эта вывеска и есть то последнее, что еще удерживает нас в традиции классического понимания университета и его этоса. Обстоятельства жизни меняются с беспрецедентным ускорением, и недалек тот день, когда уже ничего привычного в вузах может и не остаться. «Искусственный» или, что еще хуже, «дистанционный» профессор сменит реального, близкого и «контактного». Словом, как только образовательный процесс лишится «животворящего» наставнического духа и внутренней воспитательной интенции, дискурс «этики профессора» непредсказуемого развернется в неведомую нам пока сторону.

Список литературы

1. *Вышленкова Е.А., Савельева И.М. (ред.)* Сословие русских профессоров. Создатели статусов и смыслов. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2013
2. *Грибовский М.В., Фоминых С.Ф. (ред.)* Профессорско-преподавательский корпус российских университетов. 1884-1917. Исследования и документы. Томск: Изд-во Томского университета, 2012.
3. *Фейерабенд П.* Наука в свободном обществе. М.: АСТ, 2010.